

А.Крылов

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ: ЭТАПЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ

Статья принята к печати 12.05.2021

DOI: 10.20542/2073-4786-2021-2-147-162

В последние годы существования СССР на Кавказе значительное развитие получили разрушительные процессы. Они были обусловлены «общесоюзными» дезинтеграционными тенденциями, которые были усилены сложной этноконфессиональной структурой региона и связанными с ней противоречиями и конфликтами. Распад СССР стал началом истории новых независимых государств Южного Кавказа (ЮК) – относительно мирные периоды чередовались с масштабными войнами. Именно эти войны разделили постсоветскую историю ЮК на три этапа, различных по своей продолжительности, формату и характеру.

Первый этап начался после распада СССР и продолжался до войны в Южной Осетии в августе 2008 г. В это время происходило становление независимой государственности, определялись основные направления развития и векторы внешней политики новых государств. В области государственного строительства все они сделали выбор в пользу утверждения унитарной модели с ликвидацией национальных автономий, которые существовали в советские времена. Игра на националистических и шовинистических настроениях стала важнейшим средством борьбы за власть, политической мобилизации и национальной консолидации, как титульных народов, так и этнических меньшинств.

Первым президентом постсоветской Грузии стал бывший диссидент с радикальными националистическими взглядами Звиад Гамсахурдиа, поставивший своей целью построение моноэтничного грузинского государства под лозунгом «Грузия – для грузин». Начавшаяся еще до распада СССР дискриминация и травля негрузинского населения приобрела повсеместный характер. Гамсахурдиа упразднил автономию Южной Осетии, однако его попытки установить контроль над этой территорией закончились провалом. Власти Азербайджана также взяли курс на построение моноэтничного государства, причем историческим врагом государства и азербайджанской нации были объявлены армяне.

Частью пропаганды, которая призвана способствовать строительству унитарных государств в Азербайджане и Грузии, стали «национальные»

версии истории региона, которые представляли Россию враждебным государством, одни народы Кавказа – древними, автохтонными и цивилизованными, другие – дикими и недавними пришельцами, которые уже в силу этого обстоятельства не могли иметь равные права с «исконными хозяевами».

Отмена автономий, дискриминация и насаждение унитаризма на территориях с многонациональным населением внутри искусственно установленных государственных границ не могло не вызвать конфликтов и сопротивления со стороны этнических меньшинств. В результате власти Азербайджана и Грузии оказались не в состоянии обеспечить контроль над территориями новых государств в их бывших советских границах.

Государства ЮК начали независимое развитие не в своих признанных ООН границах, а в границах фактических: у Азербайджана и Грузии после утраты бывших автономий они были в значительной степени урезаны. В регионе сложился формат 3+3, включавший в себя наряду с Азербайджаном, Арменией и Грузией три бывшие автономии – Абхазию, Южную Осетию и Нагорный Карабах, которые начали выстраивать собственную государственность в статусе непризнанных республик.

После окончания периода первых постсоветских войн в зонах конфликтов не прекращались стычки и конфликты, однако вплоть до августа 2008 г. масштабных военных действий на Южном Кавказе не велось, причем вне зависимости от присутствия (Абхазия, Южная Осетия) либо отсутствия (линия соприкосновения в зоне карабахского конфликта) российских миротворческих контингентов. Более 10 лет главной ареной военных действий продолжал оставаться Северный Кавказ, и все это время территория ЮК (в первую очередь Грузия) играла роль тыловой базы для противостоявших российской государственности сил (от местных сепаратистов до международных террористических организаций).

Влияние внешнего фактора на Южном Кавказе постоянно нарастало. Следуя курсом «козыревской» дипломатии, Москва фактически отдавала инициативу на постсоветском пространстве своим западным партнерам. По мнению директора Московского центра Карнеги Д.Тренина, «рассматривая национальные интересы новой России как фактически идентичные международным интересам США и Западной Европы, Ельцин и Козырев поставили цель формальной интеграции РФ в структуры НАТО и заключения договора о союзе с Соединенными Штатами» [1].

Новые государства (как и сама Россия) становились объектами политики более успешных государств, которые декларировали свою готовность содействовать их переустройству на основе принципов демократии и универсальных западных ценностей. Россия в этот период рассматривалась как деградирующее и распадающееся государство, ее

исторические перспективы оценивались крайне низко. В конце XX века многие американские политики и эксперты выражали уверенность, что решение существующих на Кавказе проблем с участием и при посредничестве Москвы невозможно в принципе, поскольку даже ослабленная Россия с ее «козырьской» дипломатией все еще «больна имперскими “фантомными болями” и не в силах забыть, что когда-то она контролировала эти земли» [2, с. 33-34].

На Северном Кавказе Вашингтон и его союзники выступали за ограничение российского суверенитета и введение международных миротворческих контингентов в Чечню и другие республики этого региона, где проблемы были созданы якобы самим правительством РФ. Откровенно благожелательное отношение «коллективного Запада» ко всем антироссийским силам на Северном Кавказе, включая международные террористические группировки, свидетельствует о намерении США и их союзников повторить «афганский сценарий» ослабления СССР – теперь уже по отношению к постсоветской России.

На Южном Кавказе распад СССР обусловил стихийный и фактически неконтролируемый развал силовых структур и Закавказского военного округа (ЗакВО). Лишь в январе 1993 г. по договоренности с властями новых независимых республик его уцелевшие от разграбления остатки были переформированы в Группу Российских войск в Закавказье (ГРВЗ) со штабом в г. Тбилиси. В дальнейшем власти Азербайджана и Грузии не проявили заинтересованности в сохранении российского военного присутствия в регионе, так как в одном случае предпочли видеть главным гарантом своей безопасности Турцию, в другом – США и НАТО.

Задача окончательной ликвидации российского военного присутствия решалась правительствами Азербайджана и Грузии при поддержке США/НАТО/ЕС, которые оказывали сильнейшее давление на Кремль по данному вопросу. Из Азербайджана сухопутные и морские части были выведены в 1992 г. После этого российские военнослужащие оставались только на Габалинской радиолокационной станции, которая имела узко специализированный характер и никак не влияла на региональный баланс сил.¹

Вывод российских войск с территории Грузии оказался намного более протяженным по времени. В январе 1992 г. З.Гамсахурдия был свергнут, и к власти пришел Э.Шеварднадзе, который сумел заручиться политической поддержкой российского руководства, в том числе и в восстановлении территориальной целостности Грузии. В апреле 1992 г. из

¹ Габалинская РЛС была закрыта в 2013 г.

столицы Южной Осетии на подконтрольную Тбилиси территорию по приказу из Москвы были выведены подразделения российских внутренних войск, в мае грузинские части начали штурм Цхинвала с использованием бронетехники и установок «Град».

Однако грузинским подразделениям не удалось разгромить осетинских ополченцев, и в мае 1992 г. была провозглашена независимость Республики Южная Осетия (РЮО). При этом федеральные власти и Северная Осетия (один из субъектов РФ) проводили разную политику по отношению к конфликту. Москва фактически поддержала планы Э.Шеварднадзе по силовому решению югоосетинской проблемы, и это было воспринято населением республики как «акт предательства со стороны “ельцинско-kozyревского” руководства» [3, с. 88].

Иную позицию занимало руководство Северной Осетии, на территорию которой прибыло большое количество осетинских беженцев из Южной Осетии и внутренних областей Грузии. Оно оказало поддержку населению и ополченцам Южной Осетии, а также нашло эффективные меры воздействия не только на Тбилиси, но и на Москву: «условием подписания Федеративного договора Владикавказ ставил поддержку (в той или иной форме) Южной Осетии Москвой. В конце мая 1992 г. Северная Осетия перекрыла газопровод, ведущий в Грузию» [4]. В итоге грузинское руководство было вынуждено прекратить военные действия и согласиться на размещение в зоне конфликта российского миротворческого контингента.

14 июля 1992 г. начинается миротворческая операция. В зону конфликта были введены российский, грузинский и североосетинский миротворческий батальоны, была создана Смешанная контрольная комиссия (из представителей РФ, Грузии, Южной Осетии и Северной Осетии) по соблюдению условий прекращения огня. Под контролем Тбилиси остались районы с грузинским населением, составлявшие примерно 40% территории бывшей Юго-Осетинской автономной области, а власти непризнанной РЮО контролировали остальные 60% территории с осетинским населением. Ленингорский район со смешанным населением оказался разделенным на две части по этническому принципу, при этом районный центр Ленингори остался под контролем грузинских властей, которые вернули ему старое название Ахалгори.

Официальная позиция РФ по отношению к конфликту в Южной Осетии базировалась на признании принципа территориальной целостности Грузии, внутри которой РЮО должны быть предоставлены широкие права. Размещение российских миротворцев и проводимая в дальнейшем подчеркнута осторожная политика властей Грузии и РЮО позволили стабилизировать ситуацию. Перестрелки и провокации прекратились, было налажено автобусное сообщение между Тбилиси и Цхинвалом, а также

движение транспорта с взаимным признанием автомобильных документов и номеров. Долгое время в примыкающем к Цхинвалу грузинском селе Эргнети успешно функционировал крупный рынок, где торговали грузины, осетины и представители соседних государств [5].

В Конституции РЮО грузинский язык был признан в качестве языка меньшинства. Большую роль в улучшении ситуации сыграл президент Северной Осетии А.Дзасохов, который имел прямые неформальные контакты со своими бывшими соратниками по Политбюро ЦК КПСС Б.Ельциным и Э.Шеварднадзе. В итоге в период правления Э.Шеварднадзе (1992–2003 гг.) ситуация в Южной Осетии оставалась стабильной и сохранялась перспектива мирного урегулирования конфликта.

Проявленная Э.Шеварднадзе готовность к компромиссам в Южной Осетии была вынужденной и не означала пересмотра курса на строительство унитарного государства. 14 августа 1992 г., т.е. всего через месяц после прекращения военных действий в Южной Осетии, руководство Грузии начало военную операцию в Абхазии. Накануне российские войска передали грузинской армии большое количество вооружения (вертолеты, танки, артиллерию и т.п.), принадлежавшего Закавказскому военному округу. Это подтверждает версию о том, что, как и накануне наступления на Цхинвал в мае 1992 г., Шеварднадзе получил согласие президента РФ Ельцина на проведение военной операции в Абхазии.

Ввод грузинских войск в Абхазию первоначально объяснялся необходимостью обеспечить охрану железных дорог и освободить захваченных звиадистами² тбилисских чиновников. Позднее Э.Шеварднадзе попытался переложить вину за начало войны на Т.Китовани (в августе 1992 г. министра обороны Грузии), который якобы отдал приказ без его ведома. Очевидно, однако, что война в Абхазии была выгодна Шеварднадзе – отправка в Абхазию Дж.Иоселиани, Т.Китовани с вооруженными отрядами позволила Шеварднадзе сосредоточить в своих руках все рычаги власти в столице, а затем устранить политических конкурентов.

Продолжавшаяся более года грузино-абхазская война была ожесточенной и разрушительной, экономике Абхазии был нанесен огромный материальный ущерб. Важную роль в поражении грузинской армии сыграла поддержка абхазов большинством негрузинского населения республики и родственными народами Северного Кавказа. Против грузинской армии воевало большое количество добровольцев (осетины,

² Сторонники свергнутого З.Гамсахурдиа.

приднестровцы, русские, чеченцы и др.), а также казаки с юга России. В условиях острого внутривнутриполитического кризиса в России, Москва не имела возможности контролировать новые границы и воспрепятствовать потоку добровольцев в Абхазию. Российское руководство предпочло занять равноудаленную позицию и ограничиться предложениями своего мирного посредничества.

Местное грузинское население поддержало силовое решение абхазской проблемы, большинство мужчин приняло участие в военных действиях. Поражение в войне привело к изменению этнической структуры Абхазии – большинство грузинского населения было вынуждено бежать из переходивших под абхазский контроль районов. После окончания военных действий вне контроля властей непризнанной республики оставалась небольшая по площади, но стратегически важная верхняя часть Кодорского ущелья и нижняя часть Гальского района.

14 мая 1994 г. в зону грузино-абхазского конфликта были введены Коллективные силы по поддержанию мира СНГ (КСПМ СНГ). Они состояли исключительно из российского военного контингента, так как другие государства СНГ предпочли воздержаться от участия в них. Функцией российских миротворческих сил, которые были введены по просьбе властей Абхазии и Грузии, было недопущение возобновления боевых действий и создание условий для возвращения беженцев в Гальский район. Введение российских ВС позволило стабилизировать ситуацию, большинство населения Гальского района возвратилось в места прежнего проживания, началось возвращение грузинского населения в другие районы Абхазии.

Официальная позиция РФ по отношению к грузино-абхазскому конфликту основывалась на признании принципа территориальной целостности Грузии, внутри которой Абхазии должны быть предоставлены широкие права. На этой позиции базировалось российское посредничество, в результате которого конфликтующие стороны подписали Меморандум о понимании (декабрь 1993 г.), Соглашение о беженцах и Заявление о мерах по политическому урегулированию (апрель 1993 г.).

В ходе переговоров о мирном урегулировании под эгидой России, ООН и ОБСЕ было подписано «Заявление о мерах по политическому урегулированию» от 4 апреля 1994 г. В нем стороны зафиксировали, что «Абхазия имеет свою конституцию и законодательство, соответствующую государственную атрибутику: гимн, герб, флаг» и согласились, что разграничение полномочий будет определено в ходе дальнейших переговоров.

В данном случае абхазская и грузинская стороны выступали в качестве равноправных субъектов, взявших на себя обязательства

воссоздать прерванные государственно-правовые отношения между Грузией и Абхазией [6]. Однако вскоре грузинское руководство отказалось от такого подхода и заявило об «аннексии и оккупации» исконной территории Грузии в результате «агрессии международного терроризма против суверенного государства» [7, с. 15].

Конституция 1995 г. провозгласила Грузию федеративным государством, однако предварительным условием начала обсуждения связанных с федерацией вопросов было «восстановление территориальной целостности Грузии». В период правления Э.Шеварднадзе грузинское руководство декларировало готовность предоставить Абхазии автономию, но все дипломатические усилия были сосредоточены не на поиске взаимоприемлемого компромисса, а на использовании проблемы грузинских беженцев.

Очевидно, что кампания по массовому и единовременному возвращению беженцев под охраной российских миротворцев (а затем и грузинских полицейских), на котором настаивал Шеварднадзе, в конечном итоге была призвана вернуть контроль Тбилиси над территорией Абхазии. После ввода в Абхазию российского миротворческого контингента «kozyревская дипломатия» фактически перестала принимать во внимание позицию абхазской стороны. В декабре 1994 г. было принято решение об «особом» режиме экономических и политических отношений с Абхазией, означавшее, по сути, полную изоляцию Абхазии от внешнего мира.

Блокада Абхазии не способствовала решению грузино-абхазского конфликта и противоречила российским государственным интересам. Однако негативные последствия «kozyревской дипломатии» в значительной степени нейтрализовались неэффективностью и высоким уровнем коррумпированности российских пограничных и таможенных служб. Товарообмен сократился, но сохранился – взятки превратились в составную часть цены перевозимых через границу товаров. Как и в случае с Южной Осетией, свою положительную для Абхазии роль сыграл и продолжавшийся в России «парад суверенитетов»: Башкортостан, Татарстан, Краснодарский край, республики Северного Кавказа, вопреки федеральной власти, продолжали поддерживать политические и экономические отношения с Абхазией.

Руководство Абхазии выступало за воссоединение с Россией. В обращении Верховного Совета Абхазии к Верховному Совету РФ от 23 марта 1993 г. содержалась просьба «вернуть Республику Абхазия в состав либо под покровительство России» [7, с. 27]. В обращении общенародного схода вновь повторялась «просьба к народу и руководству Российской Федерации о воссоединении Абхазии с Россией» [8, с. 360-361]. Позднее под влиянием прогрузинского «kozyревского» курса Москвы лозунг о

воссоединении с Россией был снят, и абхазское руководство приняло меры по юридическому закреплению государственной независимости. В октябре 1999 г. был проведен референдум о статусе республики, и на основании его итогов был принят Акт о государственной независимости Республики Абхазия.

Тбилиси был крайне разочарован тем, что власти РФ не смогли обеспечить полную изоляцию Абхазии от внешнего мира, а также не пошли на расширение полномочий российского миротворческого контингента и придание ему полицейских функций на всей территории Абхазии (т.е., по замыслу Э.Шеварднадзе, Россия должна была вначале покорить Абхазию, а затем – вернуть ее под управление Грузии).

В конце 1990-х гг. политика Тбилиси приобрела откровенно антироссийскую направленность – Шеварднадзе поддержал проект ГУАМ, наращивал военное сотрудничество с США/НАТО и заявил о намерении Грузии стать членом НАТО. Теперь главная вина за отделение Абхазии возлагалась не на «международных террористов», а на Россию, которая после распада СССР якобы осуществляла «ползучую аннексию Абхазии».

Большую роль в изменении политического курса Тбилиси сыграл внешний фактор. После распада СССР Кавказ и все постсоветское пространство были объявлены зоной стратегических и жизненно важных интересов США. Принятие в конце 1990-х гг. концепции «гуманитарной интервенции» (т.е. допустимости военного вмешательства НАТО во внутренние дела иностранных государств) породило в Грузии надежду, что в Абхазии может быть проведена военная акция подобная той, которая была проведена в Югославии.

Грузия выразила заинтересованность в замене российского миротворческого контингента войсками других государств. Хотя эта инициатива нашла поддержку в Турции и на Украине, коллективный Запад отказался направлять в Абхазию свои войска, так как «не мог позволить, чтобы контингенты их вооруженных сил несли здесь потери, подобные тем, которые в последние годы понесли российские контингенты, участвовавшие в миротворческих операциях» [9, с. 58].

Для Шеварднадзе курс на дистанцирование от России стал средством сохранения власти при поддержке коллективного Запада, однако он стремился избегать открытой конфронтации с Москвой. В начале XXI века такая политика перестала устраивать Вашингтон, который стал делать ставку не на прежних «многовекторных» и относительно самостоятельных лидеров, а на полностью подконтрольных себе политиков.

В начале XXI в. именно такие политики стали приходить к власти в постсоветских государствах при помощи инициированных США «цветных революций». В результате одной из них в ноябре 2003 г. Э.Шеварднадзе был

свергнут, а лидер победившей «революции роз» Михаил Саакашвили стал третьим президентом Грузии. После этого политика Тбилиси стала определяться той ролью, которая отводилась Грузии в политике Вашингтона на Южном Кавказе.

Власти США не считали целесообразным учитывать интересы России в переустройстве Кавказа по собственному сценарию и рассматривали как наилучший вариант для Южного Кавказа одновременное вступление в НАТО Азербайджана, Армении и Грузии. Вашингтон считал нежелательным сохранение в регионе российского военного присутствия, в том числе в виде миротворческих контингентов в зонах конфликтов. Средством его ликвидации должно было стать военное решение абхазской и югоосетинской проблем силами обученной и модернизированной при поддержке США и НАТО грузинской армии. Подготовка к силовому решению этих проблем началась практически сразу после прихода к власти М.Саакашвили.

Военные расходы Грузии достигли беспрецедентных масштабов, постепенно расширялась площадь контролируемых грузинской армией территорий в Южной Осетии и Абхазии. В результате прокладки объездной дороги по Лиахвскому ущелью был создан Лиахвский коридор, который соединил населенные грузинами села к северу и востоку от Цхинвала. Столица Южной Осетии оказалась в полуокружении, грузинские власти получили возможность наращивания численности своих подразделений без контроля со стороны российских миротворческих сил.

Это давало Тбилиси возможность блокировать коммуникации Южной Осетии и использовать грузинские села как базу для провокаций против российских МС, властей и граждан РФ и РЮО. Аналогичная политика проводилась в Абхазии, где местные власти не контролировали верхнюю часть Кодорского ущелья. В августе 2006 г., в нарушение имеющихся соглашений о прекращении огня, Тбилиси ввел в Кодорское ущелье подразделения грузинской армии.

В начале августа 2008 г. грузинские войска установили контроль над стратегическими высотами вокруг столицы Южной Осетии. В ночь на 8 августа начался штурм Цхинвала, осетинских сел и мест расположения российского миротворческого контингента с использованием авиации, бронетехники, реактивных систем залпового огня, тяжелой артиллерии и минометов. Общая численность наступавшей группировки составляла 22 тыс. человек, на стороне Грузии воевали члены украинской националистической организации УНА-УНСО, а также инструкторы из стран НАТО.

Подавляющее численное преимущество грузинских войск над осетинскими ополченцами и российскими МС позволило им захватить часть

Цхинвала и продвинуться по другим направлениям. Однако выполнить главную задачу – блокировать движение по соединяющему Северную и Южную Осетию Рокскому туннелю – им не удалось.

Администрация США оказала действиям Грузии дипломатическую поддержку: глава Госдепартамента К.Райс заявила, что российские войска должны быть выведены с грузинской территории [10], а вслед за ней и президент Дж.Буш потребовал от России немедленно вывести войска из Грузии. При этом он впервые за всю историю российско-американских отношений пригрозил России полномасштабной международной изоляцией [11].

Москва не поддавалась дипломатическому давлению США, обвинила Грузию в развязывании вооруженной агрессии и геноциде населения Южной Осетии. 9 августа началась операция по принуждению Грузии к миру, грузинские войска были разгромлены и уже 12 августа российские власти заявили о завершении боевых действий. Таким образом, неверная оценка потенциала России и не учитывающая кавказских реалий стратегия США привела к провалу военной авантюры Саакашвили в Южной Осетии и последующему признанию Москвой независимости двух отделившихся от Грузии республик.

Пятидневная война коренным образом преобразила политическую карту региона. Разгром грузинской армии российскими войсками позволил властям Абхазии и Южной Осетии установить контроль над теми районами, которые оставались под контролем Тбилиси после окончания военных действий в начале 1990-х гг. Действовавшие там прогрузинские правительства были вынуждены бежать на территорию Грузии вместе с грузинскими войсками и вскоре исчезли с политической арены.

Более полутора десятилетий после распада СССР на Южном Кавказе существовало три международно признанных государства – Азербайджан, Армения и Грузия, а также три непризнанных – Абхазия, Нагорный Карабах и Южная Осетия. После официального признания Абхазии и Южной Осетии в качестве суверенных и независимых государств, Россия установила с ними дипломатические отношения и заключила договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Власти Грузии разорвали дипломатические отношения с РФ и заявили, что они рассматривают эти республики исключительно как «грузинские территории, оккупированные Россией».

Первый этап постсоветской истории Южного Кавказа включал в себя войны и конфликты конца 1980-х – первой половины 1990-х гг. и последовавший за ними период «замороженных конфликтов», который закончился в августе 2008 г., когда президент М.Саакашвили пытался решить югоосетинскую проблему силовым путем. После поражения

грузинской армии и официального признания Россией независимости Республики Абхазия и Республики Южная Осетия начался новый этап постсоветской истории ЮК: формат региона изменился с прежнего 3+3 на новый 3+2+1: появилось два частично признанных государства, и лишь НКР осталась в своем прежнем статусе непризнанного государства.

Второй этап постсоветского развития Южного Кавказа (2008–2020 гг.)

После Пятидневной войны США и их союзники по-прежнему не были намерены выстраивать отношения с Россией на равноправной основе, однако провал военной авантюры в Южной Осетии потребовал от них разработки новой стратегии в отношении Южного Кавказа и всего постсоветского пространства. Грузинский фактор перестал играть значимую роль, США и весь коллективный Запад фактически отказались от первоначальной трактовки событий августа 2008 г. как «агрессии» России против Грузии, и она была заменена гораздо более мягкой формулировкой «непропорциональное применение силы» [12].

В январе 2009 г. новая администрация США заявила о намерении «перезагрузить» российско-американские отношения. По инициативе Вашингтона был возобновлен диалог в рамках партнерства Россия–НАТО, а также переговоры о заключении нового соглашения о стратегическом партнерстве между Россией и ЕС. Россия значительно укрепила свои позиции на Южном Кавказе путем сочетания финансовой помощи и своего военного присутствия. Между Россией и Арменией, Абхазией, Южной Осетией были заключены договоры о военном сотрудничестве сроком на 49 лет с возможностью их автоматического продления на 15-летние периоды. В результате России удалось выстроить долговременную систему реагирования на потенциальные угрозы на проблемном для нее южном направлении.

После провала в 2008 г. военной авантюры Саакашвили интеграция Южного Кавказа с евро-атлантическим сообществом продолжала оставаться основной целью американской политики в регионе. Благоприятная ситуация для радикального пересмотра курса внешней политики Еревана в пользу США и НАТО могла быть создана лишь при условии нормализации отношений Армении с соседними Азербайджаном и Турцией. Поэтому в фокусе американской политики оказались Армения и карабахская проблема, причем упор был сделан на скрытые от посторонних глаз методы персонального воздействия на лидеров Армении, Азербайджана и Турции.

Результатом подобной непубличной работы стала «футбольная дипломатия»³ и подписание 10 октября 2009 г. в швейцарском Цюрихе «Протокола об установлении дипломатических отношений между Арменией и Турцией». Одновременно американская дипломатия вела активную, но столь же скрытую от посторонних наблюдателей работу на «карабахском» направлении. Представители США на самых высоких уровнях заявляли о скорой нормализации армяно-турецких отношений, решении карабахской проблемы и т.п. как о свершившемся факте [13].

В своей кавказской политике американские политики и дипломаты не учитывали особенности межэтнических отношений и роль исторических факторов, которые определяли общественные настроения в Армении, Азербайджане и Турции. Также они явно переоценивали реальные возможности лидеров государств Южного Кавказа по реализации достигнутых под давлением американцев закулисных договоренностей.

Руководство Турции было убеждено, что отказ от политики отрицания геноцида армян фактически означает согласие на последующий распад турецкой государственности. Поэтому Анкара категорически отказывалась признавать сам факт массового уничтожения армян во время Первой мировой войны. Закономерно, что «футбольная дипломатия» закончилась провалом – «Цюрихские протоколы» так и не были ратифицированы в парламентах Армении и Турции [14, с. 185-186].

Следующим средством радикального переформатирования Южного Кавказа в американских интересах стал слом военно-политического баланса сил в регионе путем дестабилизации ситуации в зоне карабахского конфликта. Азербайджанские власти много лет вели подготовку к военному решению карабахской проблемы, оказывали постоянное давление на Армению путем поддержания военной напряженности по всей линии разграничения, причем уровень этой напряженности нарастал год от года.

Накануне и во время военных действий азербайджанскому руководству при поддержке Турции удалось добиться подавляющего военного, дипломатического, информационно-пропагандистского преимущества, которое предопределило неблагоприятный для армянской стороны исход 44-дневной войны в Карабахе. При этом ряд армянских политиков и российских экспертов подчеркивает, что поставленные задачи

³ Термин «футбольная дипломатия» вошел в дипломатический лексикон в сентябре 2008 г., после того как президент Турции А.Гюль посетил Ереван по приглашению президента Армении С.Саргсяна для просмотра матча между национальными сборными двух стран в рамках отборочного тура чемпионата мира.

не ограничивались возвратом под азербайджанский контроль территории Нагорного Карабаха.

По этой версии, главной целью Вашингтона и Лондона был быстрый разгром армянских сил и выход к государственной границе республики, после которого на волне массового возмущения в Армении должна была произойти смена власти с разыгрыванием карты очередного «предательства» армян Россией и требованием вывода российских войск с территории Армении [15].

Составной частью такого сценария были «странные» закупки вооружения (Су-30СМ без ракет [16] и т.п.) и административные преобразования в армянской армии, которые проводились в рамках «новой концепции развития Вооруженных сил в долгосрочной перспективе». Концепция предусматривала «обеспечение контролируемой децентрализации управления вооруженными силами» [17], и вряд ли случайно, что результатом реформ стало нарушение управляемости и координации действий различных частей армянской армии накануне войны. Так что в трагическом для армян исходе 44-дневной войны большую роль сыграла та пятая колонна, которая действовала в интересах внерегиональных сил, которые стремились перевести развитие Армении на грузино-украинские рельсы.

Закулисная часть антиармянской коалиции смогла заблокировать усилия России по скорейшему прекращению войны в СБ ООН и Минской группе ОБСЕ [18]. Однако внерегиональным игрокам не удалось добиться поставленных целей ввиду затягивания военных действий из-за отчаянного сопротивления армянских сил в Нагорном Карабахе. У Москвы появилось время, чтобы добиться прекращения военных действий в формате трехстороннего диалога глав Азербайджана, Армении и России. В результате Армения избежала «майданизации» и сохранила возможность проведения самостоятельной политики с опорой на поддержку России. Очевидно, что в «майданном» сценарии Н.Пашиняну места не оставалось, и весьма вероятно, что ему отводилась роль очередной сакральной жертвы на алтарь американской «мировой демократии».

Третий этап постсоветского развития Южного Кавказа (2020 – ?)

Война 2020 года в Карабахе радикальным образом изменила ситуацию на Южном Кавказе. После войны усилились позиции Азербайджана, в регионе значительно возросло влияние Турции. Принятие специального меморандума парламентом Турции законодательно оформило и сделало долговременным турецкое военное присутствие на территории

Азербайджана [19]. Однако турецким военным не был предоставлен статус миротворческого контингента в зоне конфликта (как того первоначально добивались Анкара и Баку), их роль была ограничена функциями наблюдателей в совместном Российско-турецком мониторинговом центре контроля за прекращением огня в Нагорном Карабахе, который расположен в перешедшем под азербайджанский контроль Агдаме.

Вне контроля Баку осталась небольшая территория с армянским населением, безопасность которого теперь обеспечивают не силовые структуры Армении или непризнанной НКР, а российские миротворцы. Анкара и Баку заявили об окончании конфликта путем возврата спорной территории под контроль Баку, однако сопредседатели Минской группы ОБСЕ высказались за дальнейшее обсуждение карабахской проблемы и подчеркнули «необходимость уделить особое внимание достижению окончательного, всеобъемлющего и устойчивого урегулирования на основе известных сторонам элементов и принципов» [20].

Москве удалось стабилизировать ситуацию в регионе в рамках трехстороннего диалога России, Армении и Азербайджана на уровне глав государств. Именно этот формат позволил прекратить военные действия и ввести в зону конфликта контингент российских миротворцев, который гарантирует исполнение подписанных документов и контролирует прекращение огня в течение следующих пяти лет. Расширились и функции российских пограничников, которые будут осуществлять контроль за работой Лачинского коридора между населенной армянами частью Карабаха и Арменией, а также аналогичного коридора между Азербайджаном и Нахичеванской Автономной Республикой.

* * *

Размещение российского миротворческого контингента в Нагорном Карабахе гарантирует безопасность и открывает перспективу не только стабилизации, но и более успешного экономического развития Южного Кавказа путем разблокирования границ, строительства новых транспортных коридоров, комплексного использования гидро- и биоресурсов трансграничной реки Аракс, увеличения площади орошаемых земель и т.п. Экономическое сотрудничество может стать основой для повышения уровня доверия и поиска взаимоприемлемых подходов к решению наиболее болезненных проблем в отношениях Армении с Азербайджаном и Турцией.

Однако на ситуацию продолжает оказывать влияние множество глобальных и региональных факторов, которые имеют противоречивый характер и делают перспективы развития Южного Кавказа непредсказуемыми. При этом очевидно, что чем более напряженной будет

международная ситуация и отношения России с США и коллективным Западом, тем сложнее будет стабилизировать ситуацию на Южном Кавказе и тем выше будет вероятность возникновения новых войн и конфликтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тренин Д.В. *Российская внешняя политика в 1992–2009 годах*. URL: <http://ru-90.ru/node/1284> (дата обращения 16.02.2021).
2. Коэн А. 2000. США, страны Центральной Азии и Кавказа: проблемы и перспективы взаимоотношений. – *Центральная Азия и Кавказ*, № 2 (8).
3. Захаров В.А., Арешев А.Г. 2008. *Признание независимости Южной Осетии и Абхазии. История. Право. Политика*. М.: МГИМО.
4. Маркедонов С. 2008. Региональные конфликты: перезагрузка. – *Россия в глобальной политике*, №5. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/regionalnye-konflikty-perezagruzka/> (дата обращения 16.04.2021).
5. Калатошишвили Г. Рынок примирения. – *Вестник Кавказа*, 28.11.2012. URL: <https://vestikavkaza.ru/analytics/Rynok-primireniya.html> (дата обращения 10.02.2021).
6. *Заявление о мерах по политическому урегулированию Грузино-Абхазского конфликта*. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901778484> (дата обращения 06.03.2021).
7. *Грузино-абхазский конфликт: прошлое, настоящее, перспективы урегулирования*. 1998. М.: Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ).
8. Обращение схода многонационального народа Абхазии, посвященного 185-летию добровольного вхождения Абхазии в состав России. Сухум, 16.04.1995. – Крылов А.Б. 2001. *Религия и традиции абхазов (по материалам полевых исследований 1994–2000 гг.)*. М.: ИВ РАН.
9. *Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии*. 1999. М.: «Весь мир».
10. Христианова М. *Война в Южной Осетии*. URL: <https://www.interfax.ru/russia/25995> (дата обращения 15.04.2021).
11. Зыгарь М. *Военно-гуманитарный десант. Американская армия высаживается в Грузии*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1011329> (дата обращения 16.04.2021).
12. *НАТО осуждает «непропорциональное применение силы» со стороны России*. 12.08.2008. URL: <https://www.golosameriki.com/a/a-33-2008-08-12-voa17/591006.html> (дата обращения 06.04.2021).

13. США помогут закрепить договоренности между Турцией и Арменией – Клинтон. – *РИА Новости*, 11.10.2009. URL: <https://ria.ru/20091011/188350556.html> (дата обращения: 12.02.2020).

14. *Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы. Коллективная монография / Отв. ред. Э.Г.Соловьев, Г.И.Чуфрин.* 2020. М.: ИМЭМО РАН.

15. Лепехин В.А. *Карабах – рычаг давления Британии на Россию. Турция и Азербайджан – лишь инструменты.* 27.10.2020. URL: <https://i-eeu.ru/category/news/karabax-rychag-davleniya-britanii-na-rossiyu-turciya-i-azerbajdzhan-lish-instrumenty-lepexin/> (дата обращения 16.02.2021).

16. Пашинян признал покупку у России Су-30СМ без ракет. – *РБК*, 21.03.2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/03/2021/6056f0509a794781c3b24cc9> (дата обращения 11.04.2021).

17. Стратегия армянской армии: Ереван обуздает «реваншистские амбиции» Баку. – *EurAsia Daily*, 10.06.2020. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/06/10/strategiya-armyanskoy-armii-erevan-obuzdaet-revanshistskie-ambicii-baku> (дата обращения 16.02.2021).

18. Ванескегян А. Лондон заблокировал резолюцию СБ ООН по Карабаху. – *Sputnik Армения*, 07.11.2020. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/analytics/20201107/25211798/Imenno-London-zablokiroval-rezolyutsiyu-SB-OON-po-Karabakhu-ili-Komu-sluzhit-Mur.html> (дата обращения 26.03.2021).

19. Турецкий парламент разрешил Эрдогану отправить военных в Азербайджан. – *РБК*, 17.11.2020. URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/11/2020/5fb41b329a7947b0ce773a73> (дата обращения 17.04.2021).

20. Заявление сопредседателей Минской группы ОБСЕ, Москва–Париж–Вашингтон, 13 апреля 2021 года. – *Сайт Министерства иностранных дел РФ*, 14.04.2021. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/am/-/asset_publisher/OO85pcnduakp/content/id/4683440 (дата обращения 16.04.2021).